
Предисловие

До середины XIX века ощущение, что Россия больна, было только у вольнодумцев и диссидентов. После проигранной Крымской войны тем же чувством прониклись и государственные люди, которые принялись искать лекарство, способное исцелить империю.

Этот том можно было бы назвать «Зигзаги», потому что российская политика описываемого периода (1855–1894) делает крутые виражи. Сначала Россия пытается обновить все стороны национальной жизни, отвергнув консервативно-охранительный курс николаевского царствования, а затем, четверть века спустя, опять делает разворот на 180 градусов — к «закручиванию гаек» и полицейскому режиму. В предыдущем томе мы уже наблюдали нечто подобное — компромиссно-либеральное правление Александра I через точно такой же промежуток времени сменилось бескомпромиссно-государственническим режимом Николая I.

Читателю придется привыкать к ощущению дежавю. Этот российский исторический маятник еще не раз качнется справа налево и обратно. С начала девятнадцатого столетия Россия всё ходит по одному и тому же кругу: реформы — контрреформы, слишком много свободы — слишком мало свободы, «всё, что не запрещено, разрешено» — «всё, что не разрешено, запрещено». Государство никак не может найти правильный баланс между порядком и свободой. Как тут не

вспомнить знаменитую фразу, приписываемую Столыпину: «Это страна, где все меняется за десять лет, и ничего — за двести».

Том разделен на три части.

Первая, «Россия, вперед!», посвящена эпохе Александра II (1855–1881), которую принято считать «прогрессивной» — в том смысле, что общественная жизнь страны сделала грандиозный рывок от архаики к модернизации. Это время великих реформ, затронувших почти все стороны российской жизни. Не все они, впрочем, были удачны, а некоторые повлекли за собой опасные последствия, что и привело к резкой переориентации государственной политики.

Вторая часть, «Россия, назад!», описывает царствование Александра III (1881–1894). Это эпоха в общественно-политическом смысле «регрессивная», возвращающаяся к идеологии и методам «железного царствования» Николая I. Многие либеральные нововведения отменяются или выхолащиваются, проводятся реакционные контрреформы. Вторая часть занимает в книге гораздо меньший объем, чем первая, не только потому что эпоха была вдвое короче, но и по той простой причине, что на подобном этапе течение истории обычно примораживается и притормаживается — происходит гораздо меньше ярких событий.

Третья часть тома касается самого главного — того, как десятилетия правительственные метания из стороны в сторону сказались на жизни страны: ее социальной структуре, экономике, состоянии умов. Между 1855-м и 1894-м годами Россия изменилась, конечно, не так сильно, как между 1955-м и 1994-м, но все же метаморфоза была колоссальной.

Многие из проблем, дискуссий и противостояний второй половины российского девятнадцатого века не утратили своей актуальности. Некоторые вопросы, над которыми бились лучшие умы той эпохи, доселе остаются без ответа.

Тем важнее разобраться в проблематике этого сложного периода без эмоциональных оценок и предубеждений, без навешивания ярлыков — кто «хороший» и кто «плохой».

Читатель увидит, что среди государственных людей, принимавших исторические решения, «плохих» не было. Все они, каждый по-своему, желали стране блага — просто понимали его по-разному и иногда совершали тяжкие ошибки.

То же можно сказать о новой политической силе, поведшей борьбу за умы и сердца россиян, — о революционерах. Они тоже мечтали «вылечить» Россию, только совсем уж радикальными, хирургическими методами.

Так, в схватке трех идеологий, каждая из которых представляла земной рай по-своему, зарождалась великая национальная трагедия, которая разразится в начале следующего столетия. До краха империи и гражданской войны еще далеко, но в русском небе уже посверкивают зарницы будущей грозы и льется первая кровь.

Эпоха второго и третьего Александров дает ответ на вопрос: почему всё вышло так, как вышло.

Часть первая

РОССИЯ, ВПЕРЕД!

Все исторические параллели, как известно, хромают и проводить их следует с осторожностью. Сходства между двумя реформаторскими движениями — начала и середины XIX века — на самом деле не так уж много.

Главное отличие в том, что юный Александр Павлович и его соратники из Негласного комитета руководствовались души прекрасными порывами. В 1800-е годы реформы потому и не задалась, что насущной потребности в коренной перестройке всего уклада российской жизни тогда не было и общество — в целом — относилось к новшествам как к царской причуде.

Совсем в иной ситуации оказалась Россия в 1855 году.

Крымская война была тяжелой, разорительной и завершилась национальным унижением. По условиям Парижского мира империя лишилась права иметь военный флот на Черном море и даже потеряла часть своих территорий, чего не случилось со времен постыдного Прутского мира 1711 года. «Сии уступки неважны в сравнении с тягостями продолжительной войны и с выгодами, которые обещает успокоение Державы, от Бога нам врученной», — кисло объявлялось в высочайшем манифесте.

Изменился международный статус России. Она перестала быть «сверхдержавой», претендующей на европейскую гегемонию. Покончено было и с ролью «европейского жандарма». Отныне место империи было во втором ряду «великих держав».

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ИМПЕРИИ

Разумеется, это стало сильным ударом по национальному самолюбию, но печальное положение страны заставляло поступиться гордостью. Военные расходы, составившие в 1853–1856 годах фантастическую сумму в 800 миллионов рублей, совершенно разорили государство. Еще тягостнее было сознание, что Россия буквально во всем отстает от европейских стран. С парадного фасада осыпалась штукатурка николаевской «стабильности», и перед обществом открылась удручающая картина. Даже заядлые консерваторы поняли: так больше жить нельзя, нужно что-то менять. По выражению В. Ключевского, «Севастополь ударил по застоявшимся умам». О необходимости реформ заговорили повсеместно.

Скромный артиллерийский офицер Лев Толстой пишет в дневнике то, что чувствовали все вокруг: «...Я больше, чем прежде, убедился, что Россия должна или пасть или совершенно преобразоваться».

Фрейлина Тютчева, близкая к царской семье и относившаяся к ней с благоговением, сетует: «В публике один общий крик негодования против правительства, ибо никто не ожидал того, что случилось. Все так привыкли беспрекословно верить в могущество, в силу, в непобедимость России. Говорили себе, что, если существующий строй несколько тягостен и удушлив дома, он, по крайней мере, обеспечивает за нами во внешних отношениях и по отношению к Европе престиж могущества и бесспорного политического и военного превосходства. Достаточно было дуновения событий, чтобы рушилась вся эта иллюзорная постройка».

Верноподданнейший публицист профессор М. Погодин взывает к новому государю: «Зло пустило у нас такой корень, что без хирургической операции подчас ничего не сделаешь. Все места обросли каким-то диким мясом форм, привычек, незаконных доходов, преданий гнусных, освященных давностью, даже в глазах порядочных людей... Как бы то ни

было, медлить нечего, а надо приниматься тотчас за дело... Надо вдруг приниматься за все: за дороги, железные и каменные, за оружейные, пушечные и пароходные заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и училища мореплавания, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочее не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, за деньги, за финансы, за всё, за всё».

Новоназначенный министр внутренних дел С. Ланской представляет Александру Второму доклад о тяжелом положении страны. Государь делает сдержанную приписку: «Читал с большим любопытством и благодарю в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые, с Божией помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться».

«Большое любопытство» здесь — капитальный андерстейтмент, как говорят англичане. Императору предстояло с Божьей помощью и при общем усердии совершить двенадцать подвигов Геракла.

И надо отдать должное российскому правительству. За довольно короткий срок оно произведет настоящую революцию сверху — в масштабах, каких еще не знала российская история. (Петровские преобразования, направленные на укрепление самодержавной вертикали, революционными никак не назовешь.)

Опыт александровских реформ во многом противоречив, но совершенно бесценен. Прежде чем изучить его, давайте познакомимся с людьми, которые осуществили эту работу: с Александром Николаевичем Романовым и его командой.

Революция сверху

Александр Николаевич Романов

Будущий царь-освободитель, племянник императора Александра I, родился 17 апреля 1818 года. При том, что его отец Николай тогда еще не был наследником и пока даже не помышлял о том, что когда-нибудь взойдет на престол, у новорожденного были все шансы в будущем стать монархом. Ни от государя, ни от цесаревича Константина сыновей ждать не приходилось. Жена первого по понятиям той эпохи уже выходила из детородного возраста, второй же с официальной супругой давно расстался и готовился кmorganатическому браку.

Поэтому знаменитейший поэт эпохи Василий Жуковский приветствовал появление августейшего младенца звучными строфами, полными не придворной лъстивости, а искренней надежды:

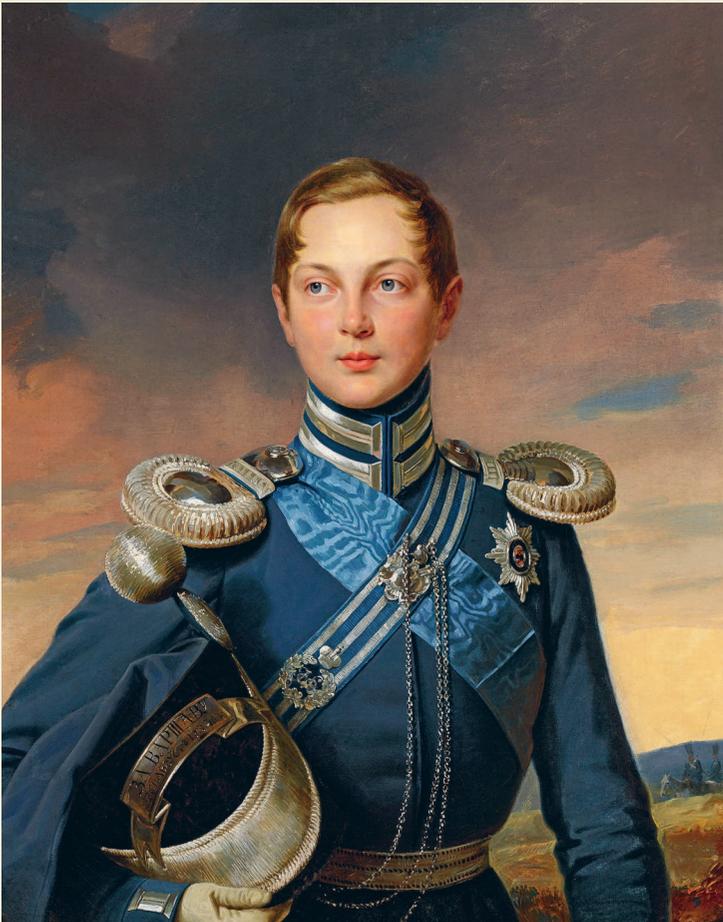
Лета пройдут... Подвижник молодой,
Он полетит в путь опыта и славы.
Да встретит он обильный чеством век.
Да славного участник славный будет,
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек*.

РОССИЯ, ВПЕРЕД!

Предсказание оказалось пророческим, и немалая заслуга в том принадлежит автору этих прочувствованных строк.

Дело в том, что солдафон и ретроград Николай, взойдя на престол, сделал весьма нетривиальный выбор главного воспитателя для своего старшего сына — пригласил на эту ответственнейшую должность Жуковского, по своим взглядам либерала и гуманиста, что недвусмысленно заявлено в последней строке.

Александр II в юности. Ф. Крюгер

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ИМПЕРИИ

Василий Андреевич составил обстоятельный документ «План учения», согласно которому воспитание наследника предполагалось разделить на три ступени: «нравственный компас», «начало путешествия» и «учение применительное». Первый этап, длящийся до тринадцатилетнего возраста, должен был развить в мальчике добродетели; второй (до восемнадцати лет) — снабдить всесторонними знаниями; третий — научить, как применять эти знания на практике.

В письме к матери маленького Александра наставник излагал идею, которая вряд ли нашла бы поддержку у Николая: «...Страсть к военному ремеслу стеснит его душу; он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве — казарму». Даже удивительно, что после такого посыла Жуковскому доверили воспитание будущего повелителя военной империи.

Впрочем, Романовы еще с середины восемнадцатого столетия весьма тщательно и разумно готовили наследников престола к предназначенной им высокой миссии, и Александра Николаевича учили очень хорошо.

Историю и словесность ему преподавал сам Жуковский, правоведение — Сперанский. Кроме традиционных французского и немецкого подросток должен был выучить еще и английский, язык главного соперника России, а также польский — как будущий монарх Царства Польского.

Разумеется, через некоторое время император забеспокоился, что воспитание наследника чересчур травоядно, и решительно вмешался в педагогический процесс. «Я заметил, что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам, — сказал отец. — Я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе».

Главным воспитателем был назначен генерал П. Ушаков, который успешно выполнил поставленную перед ним задачу привить мальчику любовь к армии. Николай мог быть доволен сыном: тот полюбил «фрунт», мундиры и маневры не

меньше, а то и больше, чем мирные науки. В награду («за отличие по службе») царь произвел восемнадцатилетнего юношу в генералы.

Таким образом, в будущем государе неорганично, но весьма удачно для будущего российского самодержца сочетались две очень разные склонности — к «добру» и к «мечу». Обе они Александру пригодятся.

Образование наследника завершилось двумя большими ознакомительными путешествиями.

В 1837 году, сопровождаемый Жуковским, Александр совершил семимесячную поездку по России, добравшись на востоке до Тобольска, а на юге до Крыма. Он посетил почти тридцать губерний (всего их в империи насчитывалось пятьдесят пять).

▶ Гуманистическое воспитание проявилось в том, что цесаревич не отказывался встречаться с политическими ссыльными.

В Вятке он увиделся с Александром Герценом, арестованным и сосланным за участие в университетском кружке. Вот впечатление этого зоркого и умного наблюдателя от беседы с девятнадцатилетним великим князем: «Вид наследника не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее показывали добродушие и вялость. Ему было около двадцати лет, но он уже начинал толстеть. Несколько слов, которые он сказал мне, были ласковы, без хриплого, отрывистого тона Константина Павловича, без отцовской привычки испугать слушающего до обморока».

Вообще-то можно было написать и что-нибудь более доброе. Именно по ходатайству цесаревича участь Герцена, а также некоторых декабристов была смягчена. Получив от отца известие об этой «милости к несчастным», юный Александр кинулся в объятья Жуковскому. Тот потом называл эту минуту «одной из счастливейших в жизни» — и неудивительно. В этот момент Василий Андреевич должен был понять, что его старания о «нравственном компасе» были не напрасны.
